

Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики

М.М. Лебедева, О.Н. Барабанов

В статье рассматривается эволюция университетов в связи с приобретением высшим образованием политикообразующей функции, а также реакция на эту эволюцию со стороны российских государственных органов власти, определяющих образовательную политику. Делается вывод, что «догоняющее развитие» системы высшего образования России может оказаться успешной стратегией включения в конкуренцию за глобальное лидерство в образовательной сфере.

Проблема образования с приобретением политикообразующей функции¹ стала привлекать внимание специалистов в области международных отношений и мировой политики. В фокусе этих исследователей все чаще оказываются вопросы Болонского процесса², образования как «мягкой силы»³ и т.п., в меньшей степени пока – роль и социально-политические функции университета⁴. В свое время университеты сыграли немалую роль в развитии не только науки, но и общества в целом. Представляется, что и в настоящее время возможен их своеобразный «ренессанс» в этой роли, только в принципиально иных масштабах и качественных отношениях.

В конце XX столетия на университет была сделана ставка в Европе при формировании процессов современного высшего образования. Именно университет был в центре внимания Университетской хартии (Magna Charta

Universitatum), принятой в 1988 г. в Болонье в связи с празднованием 900-летия старейшего европейского университета. Университетская хартия в дальнейшем легла в основу Сорбоннской декларации 1998 г. и Болонской декларации 1999 г., которая, в свою очередь, положила начало одноименному процессу. В Университетской хартии подчеркивалось следующее:

- автономность университета;
- независимость университета от политических и идеологических догм;
- связь исследования и образования;
- отказ от нетерпимости и ориентация на диалог.

В рамках Болонского процесса автономность университета стала означать, что именно университет принимает решения:

- о своем полном или частичном (например, только о переходе на двухступенчатую систему и определении кредитов за каждый курс с целью

Лебедева Марина Михайловна – д. полит. н., профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Барабанов Олег Николаевич – д.полит.н., профессор, зав. кафедрой политики и функционирования ЕС и Совета Европы МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранение национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8560).

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

постепенного подключения к процессу) включении в Болонский процесс;

- выборе партнеров;
- определении кредитов за тот или иной курс и др.

Университет в конечном итоге, а не студент или преподаватель определяет, в какой из университетов ехать для продолжения обучения или чтения лекций и т.д. Именно университет в Болонском процессе является ключевой единицей интеграции высшего образования. Путем предоставления университету автономности решается проблема совместимости учебных программ различных университетов как внутри одной европейской страны, так и в различных странах. В результате этого происходит своеобразная «самонастройка» и адаптация университетского образования – его гармонизация, но не унификация.

Болонский процесс и сформированное на его базе в 2010 г. Европейское пространство высшего образования⁵ осуществляется на основе межгосударственных соглашений, тем самым университет включается в процессы интеграции. В то же время часто университет заключает соглашения с другими университетами, находящимися вне рамок Европейского пространства высшего образования. В этом случае университет вовлекается в процессы транснационализации, составляющие суть глобализации. Иными словами, с мирополитической точки зрения университет оказывается своеобразным звеном, «соединяющим» процессы интеграции и глобализации. Справедливости ради необходимо отметить, что университет здесь не уникален. Бизнес, например, функционирует по такой же схеме.

Болонским процессом не ограничивается роль университета в интеграционных и глобализационных процессах мира. Современный университет оказывается в центре множества сетевых отношений:

- во-первых, это взаимодействие как с зарубежными университетами-партнерами, так и с университетами своей страны. Осуществляется оно в различных формах, например в рамках программы двойных дипломов, обменов, совместных программ нескольких университетов⁶ и т.п. В межуниверситетских сетевых структурах одновременно сосуществуют сотрудничество и конкуренция. Сотрудничество налаживается прежде всего между наиболее сильными университетами. Они же, как правило, формируют и различного рода ассоциации (профильные внутри одного государства, международные и др.). Примерами таких ассоциаций могут служить Международная ассоциация университетов, созданная в 1950 г. при поддержке ЮНЕСКО и объединяющая 150 университетов⁷, Евразийская ассоциация университетов, созданная в 1989 г.⁸, Международная ассоциация президентов университетов, созданная в 1964 г.⁹, и др.

Различная включенность в сетевые структуры усиливает стратификацию университетов. В настоящее время в мире все более четко выделяется три группы университетов. Первая группа – это наи-

более успешные и престижные университеты (по отдельным отраслям науки или в целом), хорошо интегрированные в межуниверситетские сетевые отношения и формирующие профессиональную сеть. Вторая группа – университеты, которые отчасти принадлежат к «первому кругу». Они стремятся войти в него полностью. Эти университеты имеют сетевые отношения с другими вузами, главным образом своей страны, но связи в значительной степени ограничены (в том числе имеют в основном региональный характер). Третья группа – университеты, которые практически не включены в межуниверситетские связи. Это «аутсайдеры», работающие на локальном уровне. Границы между тремя группами университетов являются «подвижными», то есть университеты могут перемещаться из одной группы в другую. Кроме кооперативных связей и отношений между университетами развивается жесткая конкурентная борьба. Разумеется, такая конкуренция существовала и ранее. Однако сегодня в условиях корпоративных сетей и процессов транснационализации она приобретает иной характер и иные масштабы;

- во-вторых, готовя специалистов разного профиля, университет занимается организацией студенческой практики, помогает выпускникам в поиске работы после окончания университета и т.д. В результате современный университет устанавливает тесные связи с бизнесом, структурами власти различного уровня, аналитическими центрами, неправительственными организациями и другими организациями работодателей. В свою очередь работодатели проявляют активный интерес в налаживании таких взаимоотношений с университетом. Для них это открывает возможности поиска и отбора будущих кадров, представления своей организации для широкой аудитории, а также возможности параллельной с основной деятельностью преподавать и вести научную работу. В настоящее время все шире развивается практика, когда компания основывает кафедру в университете. Через нее осуществляется наиболее тесные связи образования и практической деятельности. Значимой структурой в поддержании и развитии связей с различными структурами общества становится ассоциация выпускников. Через ассоциацию также нередко осуществляется и различные варианты спонсорской помощи;

- в-третьих, университет все чаще и в большей степени становится значимой структурой гражданского общества. Университет выступает дискуссионной площадкой для обсуждения наиболее острых научных и общественных вопросов. Высшие лица государств, другие политические и общественные деятели избирают университет для своих выступлений, ответов на вопросы студентов. Одновременно профессора, преподаватели университета активно включаются в комментирование событий науки, техники, экономики, политики, развития общества и т.д. Все это дает дополнительный импульс университету и для развития, и для привлечения студентов, а также повышает его конкурентоспособность на рынке.

Таким образом, университет оказывается центром сетевых связей и отношений. При этом он сам «завязывает» множество «узлов» в них. Иными словами, современный университет ярко иллюстрирует феномен, названный М. Кастельсом «сетевым обществом» (network society)¹⁰. Это новое качество университета порождает для него и множество проблем. Университету приходится выполнять многие функции, которые для него ранее не были свойственны или, в лучшем случае, шли как второстепенные. В современном мире университет, даже государственный, начинает во многом работать как корпорация, а также выполняет еще социальные функции. При этом для университета жизненно важным становится не потерять то, ради чего университет существует, – науку и образование. В целом на примере университета четко прослеживается тенденция, характерная для современного мира и связанная с расширением и пересечением функций различных акторов мировой политики¹¹.

Проблемы возникают не только для университета, но и для общества в целом. Транснационализация образования остро ставит вопрос сочетания «национального» и «глобального» в современном образовании. Стратификация или поляризация университетов, их разделение на элитные, включенные в различные сети, и тех, кто работает на локальном уровне, также порождает проблемы не только для самих университетов, но и для общества в целом, поскольку уровень образования в «локальных» университетах будет продолжать падать. Эти общие глобальные тенденции, влияющие на современную трансформацию университетов и их все большее удаление от традиционного «гумбольдтовского» образца, проявляются и в России. При этом процесс встраивания российских университетов в глобальные профессиональные сети имеет свою специфику и характерные черты.

Одной из них стало то, что именно в России процесс так называемой «массовизации» высшего образования как элемента «революции в человеческом капитале», говоря словами Я.И. Кузьминова¹², за последние два десятилетия проявился особенно сильно. Число студентов вузов в возрастной когорте молодежи 17–19 лет выросло с менее 40% в советский период до 65–90% в настоящее время¹³. Социальные причины этого понятны. Жесткая ориентация СССР на элитистский характер высшего образования, соединяемая в условиях пролетарской идеологии с необходимостью масштабного воспроизводства рабочего класса и логичным в условиях плановой экономики более равномерным распределением молодежи по различным профессиональным стратам, все это привело к тому, что пресловутый *numerus clausus* в наборе студентов в СССР был невелик и ригиден.

Изменения в российской экономике после прекращения социалистической модели привели, во-первых, к взрывному спросу со стороны рынка на триаду профессий «экономист–юрист–менеджер» и соответственно на их подготовку. Во-вторых, экономическая свобода привела к возможности открытия частных вузов – чего вообще не было в СССР. В-

третьих, сокращение бюджетного финансирования государственных вузов по сравнению с советским периодом сделало их приоритетной стратегией развития платного образования как по выделяемым для этого вузом дополнительным местам, так и в рамках так называемой «филиализации» – открытия отделений столичных вузов в других городах.

Все это и привело к взрывному росту числа студентов в постсоветской России. Но одновременно российские университеты очень остро почувствовали на себе и обратную сторону этой массовизации – значительно увеличившееся число студентов на одного преподавателя, нехватку оставшихся прежними библиотечных ресурсов, сокращение или превращение в пустую формальность семинарских занятий и т.п. В результате все это стало представлять реальную угрозу для качества образования. Помимо того, массовизация вкупе с расширяющимся предпочтением к письменным формам контроля знаний студентов над устными привела к существенному возрастанию доли учебной нагрузки в рабочем времени преподавателей и соответственно снижению доли научно-исследовательской работы. А поскольку ключевым критерием международного рейтингования университетов являются именно результаты НИР (в форме публикаций, проектов и пр.), то российские университеты оказались отброшены в нижние сотни глобальных рейтингов. Наконец, главный внешний элемент массовизации – введение ЕГЭ – очень быстро стал одной из наиболее острых и социально взрывоопасных проблем в современной России¹⁴.

Другая черта российской университетской специфики связана с крайне низкими условиями оплаты труда вузовских преподавателей. Стало общим местом, что их зарплаты (за вычетом нескольких успешных вузов-исключений) в разы (до десяти раз) меньше, чем на сравнимых должностях в университетах не только развитых стран, но и многих развивающихся государств, сделавших ставку на приоритетное развитие и интернационализацию своих университетов (Малайзия, ЮАР, Саудовская Аравия, Индия, Аргентина). Эта ситуация хотя и неприглядна, но была объяснима в условиях экономического обвала 1990-х гг. Но она продолжает сохраняться и сейчас, после десятилетия «тучных» нулевых. Высшая школа экономики совместно с Бостонским центром исследований международного высшего образования опубликовала в 2012 г. итоги международного проекта «Как платят профессорам», проводимого группами локальных экспертов по 28 странам. Россия занимает по этим подсчетам предпоследнее, 27-е место по средней зарплате по системе высшего образования в целом (617 долларов в месяц по ППС)¹⁵. Находящаяся на 25-м месте Эфиопия предлагает своим вузовским преподавателям зарплату в два раза больше, чем в России (1207 долларов в месяц по ППС).

Для сравнения: лидер этого рейтинга – Канада (7196 долл./мес. по ППС), США – на пятом месте (6054 долл./мес.), а наши партнеры по БРИКС занимают в нем следующие позиции: ЮАР – на третьем

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

месте (6531 долл./мес. по ППС, то есть выше США), Индия – на четвертом (6070 долл./мес. по ППС, тоже выше США), Бразилия – на 18-м (3179 долл./мес. по ППС), Китай – на 26-м (720 долл./мес. по ППС). Из этих результатов очевидно, что лидеры БРИКС по вниманию к развитию национального университетского потенциала – отнюдь не те, о ком мы стереотипно думаем, и в самой меньшей степени – мы сами.

Далее, другой показатель сравнения. Возьмем выраженные «нефтяные» страны, чей ВВП, как и в России, формируется за счет экспорта углеводородов. Саудовская Аравия в этом рейтинге занимает 6-е место, сразу после США (6002 долл./мес. по ППС), Нигерия – 13-е (4629 долл./мес. по ППС), то есть она платит своей профессуре в 7,5 раз больше, чем нефтегазовая Россия. Также не тот расклад, к которому мы стереотипно привыкли. Наконец, винить во всем постсоветский развал тоже не получается. В этом рейтинге Латвия и Казахстан хотя расположены также в нижней части, но все равно в 2,5–3 раза превосходят Россию: Латвия – 23-я (1785 долл./мес. по ППС), Казахстан – 24-й (1553 долл./мес. по ППС).

Вдобавок к этому университетские зарплаты в России, особенно на низших преподавательских должностях, ниже средних по рынку труда в самой России – ассистенты и старшие преподаватели получают в среднем 67% от средней зарплаты по российской экономике в целом, доценты – 86 %; и только профессора – 125 %¹⁶. Все это красноречиво объясняет и «утечку мозгов» молодых аспирантов и «постдоков» из России¹⁷, и их уход в другие сектора экономики в самой стране. Все это, согласимся, влияет и на снижение профессионализма российского преподавательского корпуса, и на его мотивацию к работе.

Третья черта, характерная для российских университетов, – это низкая академическая мобильность преподавателей и так называемый «инбридинг», когда каждый университет функционирует в условиях замкнутой кадровой системы: принимает в аспирантуру своих выпускников; назначает ассистентами своих аспирантов, а затем через формальные и неальтернативные конкурсы продвигает их по служебной лестнице¹⁸. Понятно, что этот «инбридинг» не во всем плох, но то, что подобное самозакрытие вуза от национальной и международной конкуренции в борьбе за лучшие кадры вполне может привести к стагнации, тоже очевидно.

Вот таковы три аспекта, которые ощутимо тянут «вниз» российские университеты в глобальной конкуренции – излишняя массовизация высшего образования, крайне низкие зарплаты преподавателей и внутренний «инбридинг» в большинстве вузов. И на этом фоне, напомним, важнейшей стратегической задачей российского высшего образования В.В. Путин в цикле своих указов после вступления в должность Президента России 7 мая 2012 г. объявил вхождение сразу нескольких российских университетов в первую сотню мировых рейтингов вузов за ближайшие годы¹⁹.

Очевидно, что без решения этих трех проблем (и понятно, что не только их) реализация этой задачи будет крайне затруднена. Нужно подчеркнуть, что Министерство образования и науки России уже ведет эффективную, хотя и социально взрывоопасную работу по этим направлениям. В борьбе с излишней массовизацией мы видим;

– и явную тенденцию к снижению контрольных цифр приема студентов на бюджетной основе в большинстве вузов;

– и более строгое рейтингование и ранжирование самих вузов через селекцию вузов-лидеров (в рамках известных программ по приоритетному национальному проекту «Образование», национальным исследовательским университетам, федеральным инновационным площадкам, предоставлению лучшим университетам права на собственные образовательные стандарты и т.п.).

Другая тенденция здесь – это слияние вузов как в рамках создания федеральных университетов, так и на региональном уровне. Этот процесс (сочетающийся с неизбежной оптимизацией штатов), впрочем, и вызвал серьезный социальный протест, который в ряде случаев получил общероссийский резонанс и в недавнем случае в Тамбове привел к отмене министерского приказа о слиянии вузов города. Что касается роста зарплат, то здесь министерство также выбрало стратегию первоочередной поддержки вузов-лидеров. При сохраняющейся ригидности и низком уровне базовых бюджетных ставок это привело к серьезной модернизации надбавок за различные академические достижения. Связанные с этим внутренняя диверсификация и расслоение внутри самого университета и создание в нем открытой конкурентной среды между преподавателями позволили устранить наиболее «замшелые» формы «инбридинга» (хотя не без ущерба для социальной сплоченности профессуры). Этому же способствовали и начавшиеся министерские конкурсы по приглашению на работу в Россию ведущих зарубежных профессоров.

Таким образом, можно сделать вывод, что в вузовском сообществе России начата серьезная работа по внутренней модернизации и стратификации. Она проводится как на министерском уровне, так и в отдельных университетах. Рост конкурентности (и ожидаемый в связи с этим рост транспарентности) и должен привести к формированию устойчивой страты вузов-лидеров, которые будут способны достойно включиться в глобальные университетские сети и вывести Россию в число реальных лидеров мировой образовательной политики. Это тот случай, когда «догоняющее развитие» может стать успешным.

Lebedeva M.M., Barabanov O.N. Global Tendencies in University Development and Transformation of Russian Education Policy.

Summary: The article reviews evolution of modern university, which has acquired a new political function and a reaction to this development of education policy in Russia. Authors argue that the strategy of catch-up development might be successful in case of Russian higher education system and its potential on the global competitive education market.

Ключевые слова

Университет, «мягкая власть», Болонский процесс, российская система высшего образования.

Keywords

University, soft power, Bologna Process, Russian system of higher education.

Примечания

1. Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире / М.М. Лебедева // Мировая экономика и международные отношения . 2006. № 10. С.69–75.
2. См., напр.: Ларионова М.В. Оценка объемов затрат на обеспечение программ академической мобильности и экономических последствий применения схем финансирования академической мобильности студентов и преподавателей/ В. А. Вайнап и др.; под общ. ред. Е. А. Карпухиной // Академическая мобильность: финансово-экономические и правовые аспекты. М.: Логос, 2008. С. 78-157; Болонский процесс: проблемы и перспективы / Под ред. проф. М.М. Лебедевой. М.: Оргсервис, 2006 и др.
3. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал "мягкой силы" России/ М.М. Лебедева, Ж. Фор// Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6 (9). С. 200–205; Панова Е.П. Высшее образование как потенциал «мягкой власти» государства. Вестник МГИМО-Университета. №2 (15). 2011.
4. Ларионова М.В. Анализ подходов к интернационализации в российских вузах в контексте тенденций глобализации: задачи и условия повышения конкурентоспособности и развития экспортного потенциала/ М.Л. Агранович и др.// Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего М.: Логос, 2010. С. 216–257; Торкунов А.В. Задачи и вызовы университетской политики// Международные процессы. 2011. Т.9.№ 1 (25). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/006.htm>
5. Декларация о Европейском пространстве высшего образования, Будапешт-Вена, 12 марта 2010 г. Режим доступа: http://bologna-centr.at.ua/PDF/2010_Budapesht.pdf
6. Например, такая совместная программа по международным отношениям существует у трех университетов Германии: Свободного университета Берлина, Потсдамского университета и университета Гумбольдта. И эта программа имеет программу двойного диплома с МГИМО(У).
7. Сайт Международной ассоциация университетов. Режим доступа: <http://www.iau-aiu.net/>
8. Сайт Евразийской ассоциации университетов. Режим доступа: <http://www.eau-msu.ru/>
9. Сайт Международной ассоциация президентов университетов. Режим доступа: <http://www.ia-up.org/>
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
11. Подробнее см.: Лебедева М.М. Современные тренды мирового развития: новое качество мира // Метаморфозы мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО (У). 2012.
12. Кузьминов Я.И. Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени// Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов/ Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 412.
13. Андрущак Г., Юдкевич М. Высшее образование в России: заработная плата и контракты// Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов/ Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 291.
14. О социальных аспектах ЕГЭ и проектов его реформы см. напр.: Barabanov O. Reforming the Education System in Russia: Mixed Criteria Needed. // <http://valdaiclub.com/culture/30880.html>
15. Альтбах Ф., Райсберг Л., Пачеко И. Академическое вознаграждение и контракты: мировые тенденции и реалии. // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов/ Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом ВШЭ. 2012. Табл. 1.1. С. 24.
16. Андрущак Г., Юдкевич М. Высшее образование в России: заработная плата и контракты// Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 297.
17. Подробнее о проблеме «утечки мозгов» из России см. напр.: Barabanov O. Combating Russian Brain Drain. // <http://valdaiclub.com/science/29480.html>
18. Сивак Е., Юдкевич М. Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 170-187.
19. Подробнее см.: Barabanov O. Putin's Challenge: Can Russian Universities Join the World Education Leaders. // <http://valdaiclub.com/culture/42880.html>